

О.А. ТОЛПЫГИНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В последнее время в России оживилась общественно-политическая дискуссия относительно идейных оснований существования государства. В 2012 г. российские политические элиты втянулись в обсуждение «основополагающих принципов» российской национальной идентичности, начатое знаменитой фразой В. Путина из Послания Федеральному собранию: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: ... – дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [Послание Президента Федеральному Собранию, 2012]. Акторы социально-политического процесса, в том числе партии, активно откликнулись на запрос власти.

Политические партии являются одними из главных «производителей смыслов»: именно в этом заключается их основная функция с точки зрения нормативной демократии. Данный подход, безусловно, апеллирует прежде всего к «идеальному типу», однако идеологии по-прежнему остаются обязательным атрибутом политических партий.

В современной российской политике роль партийной идеологии оценивается неоднозначно. Направление дискуссии часто зависит от того, каким образом определяется политическая идеология. Если понимать ее как систему оформленных идеологических позиций и представлений, то существование партийных идеологий в постсоветской России может оказаться под вопросом.

Однако данная проблема не относится к числу специфически российских, а отражает мировые тенденции. В интерпретации *политической идеологии* мы будем опираться на концепцию «belief systems», предложенную Ф. Конверсом. В соответствии с ней идеология может пониматься как «конфигурация идей и установок, элементы которой связаны той или иной формой ограничений или функциональной взаимозависимости» [Converse, 1964, p. 37]. Это определение, с одной стороны, позволяет уйти от понимания идеологии как связанной системы элементов (идей, концептов и т.д.), а с другой – открывает возможности для выявления связей и отношений между идеями даже тогда, когда они не выстраиваются в законченные конструкции.

Придерживаясь точки зрения, что современные российские политические партии производят политические идеи и смыслы, мы опираемся на комплекс исследований партийной идеологии, основанных на самых разных теоретико-методологических подходах¹. Эти исследования указывают на различие партийных идеологий (в том числе на уровне программных документов), на их изменчивость (например, под воздействием политической ситуации или изменения общественных настроений), на то, что они транслируются через медийный дискурс (во время дебатов и предвыборных кампаний) и таким образом становятся предметом общественного обсуждения.

Цели статьи – рассмотреть, какое влияние на идеологическую функцию партий оказывают экзогенные факторы (характер политического режима и его институциональный дизайн), а также проследить динамику развития этой функции в политической системе современной России.

Идеологии как партийный ресурс

Результаты идеологической деятельности партий (не только вербально оформленные идеи, но и весь комплекс символических средств самопрезентации) мы рассматриваем как своего рода ресурс – предмет «обмена» и «торга» между политическими партия-

¹ См., например: [Холодковский, 2006], [Попова, 2007], [Анохина, Мелешкина, 2008], [Аль-Дайни, 2011], [Никифоров, 2014].

ми и теми агентами, которые по тем или иным причинам заинтересованы в партиях и их идеологических «услугах».

Такими агентами, или потребителями предлагаемых идей, могут выступать избиратели. В этом случае важна способность партийных идеологий обозначать значимые проблемные зоны общества, определять свое отношение к ним, а также предлагать пути решения обозначенных проблем. Выдвигаемые партиями идеи выступают в роли коллективных стимулов партийного членства и поддержки, предлагая избирателям различные версии идентичности и солидарности. В этом случае итогом «обмена» будут выступать рост числа членов и усиление электоральной поддержки партий. Ориентация на «спрос» со стороны избирателя – одна из основных функций партий в моделях классической представительной демократии: отражая идеологические предпочтения электората, партии воплощают их в своих программных документах, а затем в политическом курсе. Таким образом, они выступают в роли субъектов политического процесса, влияя на его повестку дня и ее динамику.

С другой стороны, как производители смыслов партии могут быть интересны для статусных политических акторов, под которыми мы, вслед за Хайли и Гюнтером, понимаем «различные сегменты элит, т.е. тех организованных групп в обществе, которые способны повлиять на политически значимые решения» [Higley, Gunther, 1992, p. 10]. К числу этих акторов могут быть отнесены в том числе органы власти. В этом случае производимые партиями смыслы могут использоваться для обоснования статусных позиций, легитимации социально-политического порядка и политического режима, мобилизации общества на поддержку и осуществление властных инициатив (т.е. для обеспечения его лояльности). В данной ситуации производимые партиями идеи и смыслы приобретают характер селективных стимулов: они не формируют идентичности и солидарности, а выступают инструментами достижения определенных статусных привилегий. Привлекательность для «статусных агентов» может быть конвертирована в улучшение финансовых возможностей партий, повышение социального статуса их актива, усиление их роли как канала вертикальной социальной мобильности. В этой модели взаимоотношений партии утрачивают свои субъектные позиции, так как их самостоятельность, в том числе в сфере производства идей, ограничена интересами элитных групп.

В реальной политической практике ситуация более многомерна, чем в описанной модели: партии в своем стремлении к успеху и выживанию не могут ориентироваться только на одного «потребителя». Как правило, они апеллируют сразу к нескольким, причем определить «ключевого» агента, чьи интересы партия отражает в своем идеологическом творчестве, иногда отнюдь не просто. Однако указанная выше дихотомия позволяет выявить тенденцию в развитии партий и партийных систем, в том числе как производителей смыслов, поскольку «ключевые» агенты могут меняться в зависимости от социально-политического контекста.

Одним из уровней такого контекста выступает период партотрогенеза. «Идейная» функция партий особенно актуальна в начальный период партстроительства и формирования партийной системы. Как отмечает Г.В. Голосов, «как правило, начальная фаза организационного развития партии характеризуется преобладанием коллективных стимулов над селективными» [Голосов, 2000, с. 77].

Кроме того, как демонстрирует С. Хансон, роль партийных идеологий существенно повышается в кризисные периоды общественного развития, в связи с тем что в ситуации социальной и политической неопределенности временные горизонты политики резко сужаются. Возникает насущная потребность в их расширении, что позволяет, с одной стороны, посмотреть на развитие общества в долгосрочной перспективе, а с другой – сформировать образ будущей политики и критерии членства в ней, что неизбежно влечет за собой необходимость определения границ и условий новой политической идентичности, т.е. обозначения круга единомышленников и союзников [Hanson, 2006, p. 343–372].

В стабильной системе, где взаимодействие между властью и обществом приобрело устойчивый характер, а между основными политическими акторами достигнут консенсус, возможности партий по производству смыслов зависят от их статуса в политическом пространстве. Статус партий, в свою очередь, определяется степенью их самостоятельности – способностью предлагать альтернативные версии развития государства и влиять на политический курс, привлекательностью в глазах других политических акторов и т.п. Политический статус партий, безусловно, связан с авторитетом партий в обществе, уровнем доверия к ним со стороны избирателей.

Экзогенный контекст функционирования российских политических партий: Режимные характеристики и институциональный дизайн

Исследования специфики российского партстроительства и «слабости» российских партий были особенно актуальны в отечественной и зарубежной партологии на рубеже XX и XXI вв. Ученые практически единодушно отмечали невысокий статус партий как в глазах политиков, так и в общественном мнении. Указывалось множество причин институциональной слабости российских партий, в их числе – наследие советского прошлого [Hough, 1998; McFaul, 1993; Sakwa, 1995]; специфика начального этапа становления партий [Hough, 1998; McFaul, 1993]; отпечаток, накладываемый на формирование партий универсальными тенденциями постиндустриального общества; появление «политического рынка» как альтернативы партстроительству [Пшизова, 2000; Соловьев, 2004]; соотношение разного рода стимулов и затрат в процессе партстроительства.

Не вдаваясь в суть этих дискуссий, отметим, что, на наш взгляд, наибольшее влияние на роль партий и, соответственно, на их возможности как производителей идей оказывают характер политического режима, динамика его трансформации, а также институциональные условия, оформляющие взаимодействие политических акторов. Степень конкурентности режима и институциональный дизайн задают среду, в которой партии вырабатывают свои стратегии и поведенческие модели.

В России, как и во всех других системах, указанные характеристики не являются константой. За более чем 20-летнюю постсоветскую историю они неоднократно претерпевали существенные изменения. Президентские выборы 2000 г., по общему мнению, послужили рубежом трансформации российской политической системы, существенно изменив ее режимные характеристики. Исследователи единодушны во мнении, что первое десятилетие российской политической системы характеризовалось высокой степенью конкурентности, разнообразием политических акторов и, в целом, полицентричностью. Это многообразие во многом было вызвано отсутствием базового консенсуса между фрагментированной элитой и властью [Гельман, 2007; 2008], однако в общем

оно стимулировало партстроительство и способствовало развитию идеологической функции партий.

Уровень конкурентности значительно снизился после 2000 г., трансформировавшись в моновластие (моносубъектность) [Фурсов, Пивоваров, 2001]. В. Гельман писал по этому поводу: «Традиции доминирования одного из акторов в политической жизни, проявившиеся в “навязанном переходе” к новому режиму и отсутствию базовых соглашений между основными акторами, гарантий основным политическим игрокам, во многом определяют характер взаимоотношений между политическими субъектами» [Гельман, 1999, с. 31]. Моносубъектность российской политики проявляется в том числе в усилении контроля над основными политическими игроками: средствами массовой информации, партиями, общественными организациями, бизнес-структурами, региональными элитами. Способы воздействия на них варьировались от создания «альтернативных» общественно-политических организаций до манипулирования законодательством и использования административного ресурса, включая прямое силовое воздействие.

Институциональный дизайн, оформляющий трансформацию политического режима, также является ключевой характеристикой той среды, в которой действуют политические партии. На партийном строительстве, в частности, неблагоприятно сказывается действующая система разделения властей [Голосов, 2008; Гельман, 2008; Kulik, 2010 a; Kulik 2010 b и др.].

Неоднократно претерпевали изменения и такие важные составляющие институционального дизайна, как избирательное и партийное законодательство. В результате к середине 2000-х годов избирательная система приобрела устойчиво ограничительный характер. Если закон о политических партиях 2001 г. был призван упорядочить партийное строительство и снизить фрагментацию партийной системы, то его новая редакция от 2005 г. существенно усилила зависимость партий от властного центра. Партийная и избирательная реформа 2012 г. формально в большей степени отвечала критериям репрезентативной демократии, однако, как отмечает Г. Голосов, она носила по сути имитационный характер: «Восстановление свободы политических объединений... – это значительное достижение... но... сама по себе реформа мотивирована стремлением властей создать для российского авторитаризма более эффективную оболочку, а вовсе не демонтировать его» [Голосов,

2012]. Кроме того, формальная либерализация была компенсирована рядом мер, существенно снижающих ее ценность. А. Бузин относит к таким компенсаторным механизмам, в частности, закон о едином дне голосования и закрепление на пять лет вперед составов участковых избирательных комиссий [Перманентная избирательная реформа, 2013].

Таким образом, за 20 лет существования российской политической системы ее режимные и институциональные характеристики эволюционировали в сторону ужесточения норм и правил политического взаимодействия, сузив поле конкуренции и ограничив возможность маневра для всех политических игроков, кроме доминирующего.

Партийные идеологии в России до начала 2000-х: Динамика спроса и предложения

Возможности партий как производителей смыслов значительно отличались в 1990-е годы и после 2000 г.

В 1990-е годы на рынке политических идей присутствовало большое, хотя и хаотическое, «предложение». Во-первых, партий было много; во-вторых, на начальном этапе партстроительства преобладали коллективные стимулы; в-третьих, рубеж 1980–1990-х годов ознаменовался глубоким общественным кризисом, повлекшим за собой «кризис идентичности», – в этих условиях сформировался запрос на новые социальные идентичности и солидарности, которые могли предложить именно политические партии.

И хотя уже тогда роль политических партий была институционально (в том числе законодательно) ограниченной, тем не менее, как отмечает Б. Макаренко, многопартийность в тот период сыграла свою позитивную роль: «Через партии и их парламентское представительство самые разные группы населения оказались приобщены к реалиям новой политики: и ностальгирующие по советскому строю (через КПРФ), и те, кому по душе правый популистский протест с националистическим оттенком (через ЛДПР), и либералы-западники (через “Яблоко” и предшественников нынешнего “Правого дела”), и приверженцы левоцентристского патернализма (через множество мелких левых партий)» [Макаренко, 2010, с. 40].

Первоначально спектр идеологических альтернатив, предлагаемых партиями (точнее, неформальными группами), ограничивался рамками социалистической идеологии («Социалистическая инициатива», «Народное действие» и пр.), что отражало идеологический мейнстрим начала перестройки – «социализм с человеческим лицом». К концу 1980-х годов социалистические идеи были вытеснены комплексом представлений, определяемых иногда как «основная демократическая» идеология [Franklin, 1993]. С ней конкурировали, с одной стороны, националисты («патриоты»), с другой – коммунисты. К началу первого электорального цикла партийный идеологический спектр, как отмечает Г. Голосов [Голосов, 2000], с некоторыми натяжками можно было описывать в «право-левой» логике: полюса задавали партии, выступающие за преимущественно рыночные механизмы экономической регуляции («правые»), и организации, подчеркивающие важную роль государства в экономике («левые»).

Какие факторы определяли специфику «спроса» на эти предложения?

По мнению О. Малиновой, до начала 2000-х годов действовали факторы, актуализировавшие значимость программно-идеологической деятельности российских политических партий. Во-первых, имелся значительный сегмент электората, выбор которого задавался убеждениями¹. Российская политическая культура представляет собой совокупность субкультур, для каждой из которых характерны своя система политических ориентаций и установок, а также разные типы и модели электорального поведения. Поэтому для их объяснения может быть использована социально-психологическая модель: россияне «голосовали сердцем», выражая свое отношение к партиям и политикам, демонстрируя социальную солидарность или отвергая предложенные варианты развития.

Во-вторых, на актуальность идеологических функций политических партий оказывало влияние «советское наследие». Стремление части населения к осознанию политической реальности в виде идей, обобщающих нормативно-этические модели, раскрывающих принципы и перспективы существующей политической системы, является результатом первичной социализации, состоявшейся еще в советский период. В 2006 г. группа исследователей

¹ См., например, [Малинова, 2000; Сунгуров, 1994; Холодковский, 2000].

под руководством Е.Б. Шестопал, исследуя модели и закономерности политической социализации различных возрастных групп (до 30 лет, 30–60 лет, старше 60), обнаружила, что у старшей возрастной группы политическая картина мира, сложившаяся в ходе первичной и вторичной социализации, носила непротиворечивый, позитивно ориентированный характер, опираясь на четко закреплённые морально-этические категории. Люди старше 60 лет демонстрировали стремление к воспроизводству данной модели, которая бы дополнила и «завершила» новую систему представлений [Шестопал, 2007].

В-третьих, понятия «политический рынок» и «идеологическая активность» не являются взаимоисключающими. Политтехнологии, которые, по мнению С. Пшизовой, вытесняют идеологию [Пшизова, 2000], не могут не учитывать общественные настроения. В частности, успех «неидеологических» политических сил и лидеров второй половины 90-х годов, артикулировавших политический прагматизм и «центризм», было бы логично объяснить ростом недовольства состоянием дел в стране и желанием «порядка», который в тот период стал восприниматься как базовая ценность. Как справедливо отмечал К.Г. Холодковский, «прагматизм и “центризм” в политике могут скрывать самые различные предпочтения, исключая, пожалуй, только радикальные». Соответственно, их доминирование не означает отсутствие идеологического компонента в сфере политического структурирования, а «прагматизм правительственной партии и ее неофициального лидера относится скорее к стилю поведения, нежели к содержанию политики» [Холодковский, 2000, с. 46].

Другими словами, «предложение» на политическом рынке вполне может носить идеологический характер. Наконец, стремление сосредоточиться на визуальных аспектах имиджа вовсе не является антиподом идеологии: идеологические компоненты, как правило, выступают неотъемлемой чертой политического имиджа. Последний тезис актуален на всех этапах развития российской политики, однако в 2000-е годы значение трех вышеуказанных факторов заметно снизилось.

Российские партийные идеологии в новом тысячелетии

Как отмечает В. Гельман, в 2000-е годы «российская партийная политика двинулась в сторону гипофрагментации на фоне тенденции к монополии доминирующей партии... Она развивалась под влиянием двух взаимосвязанных тенденций: нарастающего доминирования “партии власти”... и продолжающегося упадка (если не полного вымирания) оппозиции всех направлений» [Гельман, 2007, с. 38]. Новый режим повышал свою легитимность, препятствуя возникновению альтернатив существующему порядку [Greene, 2007].

В ситуации снижения политической неопределенности спрос на идеологии на российском электоральном рынке резко снизился, о чем свидетельствовала начавшаяся в тот период конвергенция партийных позиций [Попова, 2001]. «Единая Россия» оказалась в выигрышном положении, распределив свои программные позиции вблизи точки «медианного избирателя».

Причем на тенденцию сближения партийных идеологий не повлияло изменение социально-политической ситуации в ходе избирательной кампании 2011 г., когда в обществе усилился запрос на альтернативное идеологическое творчество. В этот период партии получили возможность продемонстрировать обществу собственные версии политического курса, однако, как показал опыт, они ею не воспользовались. Данные эмпирических исследований свидетельствуют о практически полной идентичности идеологических профилей партий периода пятой (2007) и особенно шестой (2011) избирательных кампаний, тогда как партийные идеологии четвертого электорального цикла (2003) демонстрировали гораздо большее идейное разнообразие. Таким образом, на фоне повышения политической активности 2011–2012 гг. партии продолжали переосмысливать идеи, предложенные властью и ЕР. Как отмечает О. Малинова, эта работа «оказалась не слишком эффективной: у оппозиционных сил не оказалось организационных и интеллектуальных ресурсов, чтобы структурировать пространство идеологической конкуренции» [Малинова, 2012, с. 69].

По мнению Г. Голосова, причины идеологической беспомощности партий этого периода носят институциональный характер: «В условиях, когда каждая из этих партий могла быть отстранена от участия в выборах, а в дальнейшем и ликвидирована, их лидеры должны были проявлять большую осторожность. Это де-

лало избирательные кампании оппозиции робкими, бессодержательными и далекими от реальных интересов избирателей» [Голозов, 2012].

Данная тенденция еще более усилилась после президентских выборов, в 2013–2014 гг., когда партии, вне зависимости от степени декларируемой оппозиционности, единодушно поддержали властные инициативы, призванные провести водораздел между лояльной и нелояльной частями общества («закон Димы Яковлева», «закон об иностранных агентах», «закон о запрете пропаганды гомосексуализма», присоединение Крыма и т.п.). Наиболее символичное воплощение сближение партийных позиций получило 4 ноября 2014 г., когда лидеры четырех парламентских партий – Миронов, Неверов, Зюганов и Жириновский, – в ходе акции «Мы вместе» крепко взялись за руки (до этого КПРФ вообще не признавала День народного единства и согласия праздником).

Таким образом, в условиях монополизации политического пространства произошло сужение идеологического спектра: партии, оказавшись в зависимости от статусных акторов, стали ориентироваться на них и в своем идеологическом творчестве.

Однако удовлетворяет ли это «ограниченное предложение» другого потребителя идей – избирателей? Существует ли в обществе запрос на партии и партийные идеологии?

Отвечая на этот вопрос, необходимо прежде всего определиться в оценке возможностей российских партий как механизмов коммуникации между властью и обществом. В 2010 г. Б. Макаренко, признавая за партиями демократический потенциал, отмечал: «Счасть партийную систему имитационной и бесперспективной мешают лишь некоторые обстоятельства: реальное выполнение партиями функций представления интересов, привыкание общества к легитимации власти через выборы и модернизационный посыл российского руководства, который, по крайней мере на словах, предполагает пусть медленную и эволюционную, но демократизацию страны» [Макаренко, 2010, с. 41].

Данные социологических опросов того периода, в частности от Левада-центра [Политическая оппозиция в России, 2008], показывали, что все большая часть российского общества, включая сторонников власти, признает необходимость политической оппозиции. Причем не важно, что под оппозицией граждане понимали не антагонистов власти и доминирующей партии, а некий проти-

вовес, ограничитель (возможно, даже «разоблачитель»), т.е. «конструктивного» оппонента. В любом случае, таким образом проявляла себя общественная потребность в плюрализме. Показательно также изменение отношения граждан к многопартийности: в регулярно повторяемых с 1999 г. опросах Левада-центра соотношение ее сторонников и противников в течение нескольких лет составляло примерно 50 на 40% (10% не имели на этот счет своего мнения); однако в 2009 г. доля сторонников многопартийности выросла до 68%, а доля противников сократилась до 21% [Общественное мнение, 2009, с. 99].

В связи с этим Б. Макаренко сделал вывод: «“Вертикальная” модель партийной системы с ограничением плюрализма и возможностей для дискуссии, не говоря уже о возможности влияния “снизу” на принятие политических решений, входит во все большее противоречие с настроениями и интересами политически активной части общества» [Макаренко, 2010, с. 46]. Под «политически активной частью» общества автор понимает прежде всего «новый средний класс», т.е. тех людей, которые недовольны «отсутствием “социальных лифтов”, бюрократически-полицейским давлением на бизнес, отсутствием возможности влиять на “политическую машину”, архаичным стилем общения государства с обществом» [Макаренко, 2010, с. 46].

Изменились ли с того времени общественные настроения в отношении политики вообще и партий в частности? Данные того же Левада-центра свидетельствуют о снижении уровня политического участия россиян: в 2014 г. 18% респондентов продемонстрировали готовность участвовать в политической жизни, в 2013 г. таких было 20%, а всплеск активности наблюдался в 2011 г., когда подобную готовность выразили 31% граждан [Россияне против политики, 2014].

Что касается отношения россиян к оппозиции, то если в июле 2010 г. о ее необходимости заявляли 67% респондентов, в июле 2012 г. – 72, в 2014 г. – лишь 57%. Причем в 2014 г., как отмечают исследователи Центра, рекордной за последние десять лет оказалась доля тех, кто считает, что политическая оппозиция России не нужна: 23% – при 20% затруднившихся с ответом [Россияне о политической оппозиции, 2014].

Уровень доверия политическим партиям изменился мало и по-прежнему остается самым низким среди властных институтов.

При отсутствии более полных данных приходится констатировать, что в настоящее время, в условиях ограниченного рынка идеологического предложения и переориентации большинства партий на удовлетворение спроса со стороны «статусного агента», социальная потребность в партиях и их идеологических «услугах» снижается.

Заключение

Таким образом, контекстуальные факторы, т.е. режимные характеристики и институциональный дизайн российской политической системы, не способствуют развитию идеологической функции партий, сокращая поле возможного предложения и ограничивая идеологическое творчество одобрением властных инициатив. В этом пространстве, пишет В. Мартьянов, российские партии, «в том числе и “конструктивная оппозиция”... четко знают границы “возможного” и “допустимого”» [Мартьянов, 2007].

Возможны ли изменения в этой области? Смогут ли партии в краткосрочной или долгосрочной перспективе переориентироваться на «нестатусного потребителя»? Это, по всей видимости, в большей степени зависит от состояния среды, нарастания или спада общественной инициативы (аналитики прогнозируют как первое, так и второе), равно как и от способности самих партий к генерированию новых идей.

Список литературы

- Аль-Дайни М.* Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – С. 33–47.
- Анохина Н.В., Мелешикина Е.Ю.* Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // Полис. – М., 2008. – № 2. – С. 17–29.
- Гельман В.* Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; Гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 141–161.

- Гельман В.Я.* Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // *Полис.* – М., 2007. – № 5. – С. 135–151.
- Гельман В.Я.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М.: МОНФ, 1999. – 240 с.
- Голосов Г.* Партийная реформа Дмитрия Медведева // *Полит. ру.* – М., 2012. – 21 июня. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2012/06/21/ref/> (Дата посещения: 21.10.2014.)
- Голосов Г.В.* Электоральный авторитаризм в России // *Pro et Contra.* – М., 2008. – № 1. – С. 22–35.
- Голосов Г.В.* Политические партии и электоральная политика в 1993–1995 гг. // *Первый электоральный цикл в России, (1993–1996) /* *Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина.* – М.: Весь Мир, 2000. – С. 78–91.
- Кынев А.* Избирательная реформа Владимира Путина и региональные выборы // *Неприкосновенный запас.* – М., 2006. – № 6 (50). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ky11.html> (Дата посещения: 12.11.2014.)
- Макаренко Б.* Сценарии эволюции партийной системы // *Pro et Contra.* – М., 2010. – № 50. – С. 39–52.
- Малинова О.* Еще один рывок? Образы коллективного прошлого, настоящего и будущего в современных дискуссиях о модернизации // *Политическая наука.* – М., 2012. – № 2. – С. 49–72.
- Мартынов В.* Многопартийная партия власти // *Неприкосновенный запас.* – М., 2007. – № 3 (53). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/ma3.html> (Дата посещения: 12.11.2014.)
- Никифоров А.Р.* Психологический анализ политических ценностей в структуре партийных идеологий // *Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки.* – М., 2014. – № 4. – С. 19–29.
- Общественное мнение – 2009: Ежегодник.* – М.: Левада-центр, 2009. – С. 99.
- Перманентная избирательная реформа и возвращение прописки: Стенограмма XXI круглого стола центра «Панорама».* – М., 2013. – 21 марта. – Режим доступа: <http://scilla.ru/works/uprdem/krst21.html> (Дата посещения: 17.10.2014.)
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская система» как попытка понимания русской истории // *Полис.* – М., 2001. – № 4. – С. 37–48.
- Политическая оппозиция в России. Пресс-выпуск Левада-центра.* – 2008. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2008073102.print.html> (Дата посещения: 17.06.2010.)
- Попова Е.В.* Программные стратегии и модели электорального соревнования на думских и президентских выборах 1995–2004 годов // *Третий электоральный цикл в России: 2003–2004 годы /* *Гельман В.Я. (отв. редактор).* – СПб.: ЕУ СПб., 2007. – С. 156–195.
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию // *Президент России.* – М., 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Дата посещения: 9.11.2014.)
- Пишизова С.* Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // *Полис.* – М., 2000. – № 2. – С. 30–44; № 3. – С. 6–17.

- Россияне о политической оппозиции: Пресс-выпуск Левада-центра. – М., 2014. – 17 июня. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii> (Дата посещения: 15.10.2014.)
- Россияне против политики // Газета. ру. – М., 2014. – 11 сентября. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2014/09/10_a_6209665.shtml (Дата посещения: 27.11.2014.)
- Соловьев А.И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. – М., 2004. – № 2. – С. 124–132.
- Холодковский К.Г.* Противостояние левые – правые: анахронизм или смена координат? // Полис. – М., 2006. – № 6. – С. 81–97.
- Converse Ph.* The nature of belief system // *Ideology and discontent* / Apter D. (ed.). – N.Y., 1964. – P. 37–53.
- Hanson S.E.* Postimperial democracies: Ideology and party formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia // *East European politics and societies*. – N.Y., 2006. – Vol. 20. – N 2. – P. 343–372.
- Higley J., Gunther R.* Elites and democratic consolidation in Latin America and Southern Europe. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – P. 10–23.
- Hough J.S.* Determinants of the party vote // *Growing pains*. – Washington, DC, 1998. – P. 21–36.
- Kulik A.N.* Parties of the Russian «Sovereign democracy»: Are they sustaining democratic governance? // *Political parties and democracy*. – Westport, L., 2010. – P. 47–61
- Kulik A.N.* Post Soviet parties: Between flawed democracies and hybrid regimes // *Political parties and democracy*. – Westport, L.: Praeger, 2010. – P. 83–105.
- McFaul M.* Party formation after revolution transition // *Political parties in Russia*. – Berkley, 1993. – P. 52–64.
- Sakwa R.* The development of the Russian party system // *Election and party order in Russia*. – N.Y., 1995. – P. 22–56.